

На Севастопольском берегу

Борцы

На первом организационном собрании "Общества русских граждан, организовавшихся для борьбы со спекуляцией" ("Обспек") -- инициатор организации Голендухин говорил:

-- Господа! Не только административными мерами нужно бороться со спекуляцией! На помощь власти должны прийти сами граждане, должна прийти общественность! Посмотрите на Англию (и все посмотрели на Англию) -- там однажды торговцы повысили цену на масло -- всего два пиастра на фунт -- и что же! Вся Англия встала на ноги, как один человек -- масло совершенно перестали покупать, всеобщее возмущение достигло такой степени, что...

-- Простите, -- поправил Охлопьев, -- но в Англии пиастров нет. Там -- пенни.

-- Это все верно. Я сказал для примера. Обратите внимание на Германию (и все обратили внимание на Германию) -- там на рынке фунт радия стоит...

-- Я вас перебую, -- сказал Охлопьев, -- но радий на фунты не продается...

-- Я хотел сказать -- на пиастры...

-- Пиастры не мера веса...

-- Все равно! Я хочу сказать: если мы сейчас повернемся в сторону России (и все сразу повернулись в сторону России), то... Что мы видим?!

-- Ничего хорошего, -- вздохнул Бабкин.

-- Именно вы это замечательно сказали: ничего хорошего. У нас царит самая безудержная спекуляция, и нет ей ни меры, ни предела!.. И все молчат, будто воды в рот набрали! Почему мы молчим! Будем бороться, будем кричать, разоблачать, бойкотировать!!

-- Чего там разоблачать, -- проворчал скептик Турпачев. -- Сами хороши.

-- Что вы хотите этим сказать?

-- Я хочу сказать о нашем же сочлене Гадюкине.

-- Да, господа! Это наша язва, и мы ее должны вырвать с корнем. Я, господа, получил сведения, что наш сочлен Гадюкин, командированный нами за покупкой бумаги для воззваний, узнал, что на трех складах, которые он до того обошел, бумага стоила по 55 тысяч, а на четвертом складе с него спросили 41 тысячу... И он купил на этом складе 50 пудов и продал сейчас же в один из первых трех складов по 47 тысяч.

-- Вот-те и поборолся со спекуляцией, -- вздохнул Охлопьев.

-- Ловко, -- крикнул кто-то с некоторой даже как будто завистью.

-- Именно, что не ловко, раз попался.

-- Внимание, господа! -- продолжал Голенухин. -- Я предлагаю пригвоздить поступок Гадюкина к позорным столбам какой-нибудь видной влиятельной газеты, а самого его в нашей среде предать... этому самому...

-- Чему?

-- Ну, этому... Как его... Остро... остра...

-- Остракизму? -- подсказал Охлопьев.

-- Во-во! Самому острому кизму.

-- Чему?

-- Кизму. И самому острейшему.

-- Позвольте: что такое кизм?

-- Я хотел сказать -- изгнание! Долой спекулянтов, откуда бы они ни появлялись... Но, вместе с тем, мы должны и отдавать дань уважения тем коммерсантам, которые среди этого повального грабежа и разгильдяйства сохранили "душу живу". Я предлагаю послать приветствие оптовому торговцу Чунину, который, получив из-за границы большую партию сгущенного молока, продает его по 1100 р., в то время, когда другие оптовики продают по 1500, и это при том условии, что сгущенное молоко еще подымется в цене!!

-- А где он живет? -- задумчиво спросил Бабкин.

-- А вам зачем?

-- Да так зашел бы... поблагодарить. Отдать ему дань восхищения...

-- Он живет, Соборная, 53, но дело не в этом...

Встал с места Турпачев.

А